

УДК 811.161.1'255.2'373.237:821.161.1(111)(133.1)(512.145)

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПЕРЕВОДАХ
ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА» НА АНГЛИЙСКОМ,
ФРАНЦУЗСКОМ, ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ**

Ю.В. Кобенко, Л.М. Сафина

В статье рассматриваются стратегии фразеологического и нефразеологического перевода ряда клишированных единиц, использованных английским, французским и татарским переводчиками в переводах повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». В качестве материала исследования привлекались примеры из текстов переводов И. Хэпгуд (1915 г.), Л. Виардо (1853 г.), А. Файзи (1973 г.). Клише и их соответствия сопоставляются в аспекте конвергентности, критериями выступают адекватность и эквивалентность как качественные и количественные характеристики перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегии перевода, клишированные единицы, фразеологизмы, конвергентность, эквивалентность, Н.В. Гоголь

КОБЕНКО Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор отделения иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета. serpentis@list.ru

САФИНА Лилия Маратовна – аспирант отделения иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета. safinal.8585@gmail.com

Цитирование: Кобенко Ю.В., Сафина Л.М. Особенности передачи фразеологизмов в переводах повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» на английском, французском, татарском языках [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2024, № 1. – С. 102–114. Режим доступа: www.tverlingua.ru

**FEATURES OF TRANSMISSION OF PHRASEOLOGICAL UNITS
ABOUT DESTINY IN N. V. GOGOL'S STORY «TARAS BULBA»
IN ENGLISH, FRENCH AND TATAR LANGUAGES**

Yuriy V. Kobenko, Liliya M. Safina

The article regards the strategies of phraseological and non-phraseological translation of a number of clichéd units used by the English, French, and Tatar translators when working with N.V. Gogol's story «Taras Bulba». Examples from translation texts by I. Hapgood (1915), L. Viardot (1853), and A. Faizi (1973) were used as research materials. Clichés and their correspondences are compared in terms of convergence, the criteria being adequacy and equivalence as qualitative and quantitative characteristics of translation.

KEY WORDS: translation strategies, clichéd units, phraseological units, convergence, equivalence, N.V. Gogol

KOBENKO Yury V. – DSc in Philology, Professor, Professor of the Division for Foreign Languages of National Research Tomsk Polytechnic University. serpentis@list.ru

SAFINA Liliya M. – postgraduate student of the Division for Foreign Languages of National Research Tomsk Polytechnic University. safinal.8585@gmail.com

Citation: Kobenko Yu.V., Safina L.M. Features of transmission of phraseological units about destiny in N.V. Gogol's story «Taras Bulba» in English, French and Tatar languages [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2024, № 1. – P. 102–114. Access mode: www.tverlingua.ru

В повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» отчетливо распознаются черты народно-эпического стиля, выраженные, в том числе, в клишированных единицах, которые стоят на службе создания локального колорита. Местный колорит связан с передачей национальных языковых особенностей казаков – жителей Малороссии. Понятие о судьбе широко используется в фольклорно-

речевых традициях российско-украинского народа – в песнях, былинах, пословицах, поговорках, фразеологизмах, заимствованных или трансформированных Н.В. Гоголем для создания художественных образов героического эпоса. Согласно классификации видов клише Г.Л. Пермякова, фразеологизм представляет собой устойчивый речевой оборот, выступающий частью предложения и выражающий одно определенное понятие, то есть служит знаком одного денотата (Пермяков, 1970:34). В качестве признаков фразеологизмов Ю.В. Кобенко выделяет формальную комплексность, структурную стабильность и идиоматичность значения (Кобенко, 2023: 81).

В фокусе данной статьи находятся переводческие стратегии передачи фразеологических единиц о судьбе и смерти, относящихся в тексте источника преимущественно к военно-героической тематике, ср.: *«прокурили казаки свою долю»*; *«добро великое в смертном ночлеге»*, *«положить головы от безводья и безхлебья»* и пр. Использование коммуникантами, в том числе переводчиками, в устной и письменной речи клише о судьбе указывает на осуществление так называемой «коммуникативной практики», которая, по мнению А.А. Романова и Л.А. Романовой, «будучи более узким понятием по сравнению с социальной практикой, включает в свой объем понятия как типовые и авербальные действия-образцы (паттерны), так и соответствующие образцы социального поведения, которые формируются на базе своего личного социального опыта» (Романов, Романова, 2022: 21). При сопоставлении различных культур у понятия судьбы обнаруживаются различные объемы значения со следующими основными словарными определениями: 1) стечение независящих от человека обстоятельств 2) доля, участь, предопределенность; 3) будущность. Судьба в значении злого рока, непреодолимой силы часто встречается в сюжетах военной тематики, в частности в исследуемом героическом эпосе, имея непосредственные ассоциации с другим экзистенциальным понятием – смертью и связанной с ней горечью безвременного ухода.

Согласно классификации С. Влахова, С. Флорина, различают фразеологический (полный / частичный эквивалент; аналог) и нефразеологический перевод (с отнесением таких способов, как лексический перевод, калькирование, описание, контекстуальная замена) (Влахов, Флорин, 1980: 114). Стратегии фразеологического и нефразеологического переводов оцениваются нами исходя из критериев эквивалентности и адекватности, качественных и количественных аспектов перевода, применимых на уровне слова, словосочетания или предложения. Конвергентность как более широкое аналитическое понятие, предполагает соответствие приведенных единиц на уровне текста и является главным условием реализации качественного аспекта перевода и тем самым воспроизведением авторского замысла текста оригинала средствами языка перевода (Сафина, Кобенко, 2023: 51).

Всего в качестве примеров для анализа отобраны 6 фразеологических клише о судьбе в переводах И. Хапгуд (1915 г.), Л. Виардо, (1853 г.), А. Файзи (1973 г.), представляющие интерес ввиду различности языков и периодов создания переводов: 1) «*на роду написано*», 2) «*нельзя отклонить горькой судьбы*», 3) «*мыкнуть горя*», 4) «*прокурили казаки свою долю*», 5) «*перед смертным часом*», 6) «*испить тяжелую чашу*».

1. «*На роду написано*». В речи повествователя Н.В. Гоголь дает следующую характеристику старшего сына Тараса Бульбы: «*Остану, казалось, был на роду написан битвенный путь...*» (Гоголь, 1937: 84).

Данный фразеологизм, являясь устойчивым фольклорным выражением, отражает своеобразную формулу народного восприятия о предопределенности и неизбежности некоторых событий в жизни человека. Он используется для создания речевого портрета персонажа, определяя его как прирожденного воина и защитника родины. В данном случае понятие «родина» является дериватом имени существительного «род».

И. Хапгуд в английском переводе применяет стратегию переводческого аналога, используя свободное сочетание «*designed by nature*» («создан

природой») (Hargood, 1915:117), что сохраняет смысл высказывания, но исключает коннотативное значение из текста-оригинала. Более подходящим эквивалентом могло бы послужить изречение с использованием лексем «*destiny*», «*fate*», «*doom*», непосредственно выражающих в английской семантике понятие предопределенности и судьбы.

Л. Виардо использует способ описания фразеологизма «*la veritable vocation*» (Viardo, 1853: 73), что в контексте французского перевода означает: «очевидно война была истинным призванием Остапа». В данном переводе также утрачивается исторический колорит, отражающий специфику национального менталитета.

А. Файзи реализует стратегию фразеологического аналога, поскольку выражение «*туганда мацгаена язылган*» («с рождения на лбу начертано») (Файзи, 1973: 45) является общеупотребительным в татарском языке и соответствует семантике оригинала. Лексема «маңгай» означает «лоб, чело», и с данным словом в татарской культуре связан ряд фразем с двумя открытыми актантами: маңгай ору («челом бить»); маңгай тире чыгару («трудиться в поте лица»), маңгай тирен түгеп табу («добывать собственным горбом»).

Исходя из обозначенных стратегий и способов, все переводы в определенной степени адекватны оригиналу с точки зрения качества клишированной единицы и конвергентны первоисточнику.

2. «*Нельзя будет отклонить горькой судьбы*» (Гоголь, 1937: 106). Приведенное клише является гоголевской трансформацией народной поговорки «*от судьбы не уйдешь*». По замечанию А. И. Карпенко, писатель, используя в произведении фольклорные реминисценции, делает последние не тождественными, а аналогичными народным образцам (Карпенко, 1962: 23). В контексте приведенного отрывка клише грамматически оформлено безличной модальной конструкцией с фразеологическим предикатом. Глагольное отрицание в форме будущего времени «не уйдешь» заменено на «отклонить», а к слову «судьба» автором добавлен народнопоэтический

эпитет «горькая». Таким образом, Н В. Гоголь передает понятие судьбы как мощной, предопределенной силы, обеспечивая повествованию фольклорный национальный колорит.

И. Хапгуд применяет стратегию нефразеологического перевода при помощи калькирования, вследствие чего клишированная единица «*nothing will avail to avert that cruel fate*» (Hargood, 1915: 154) теряет в своем составе образную модальность «нельзя» и означает в переводе «ничто не позволит отклонить жестокой судьбы». Обратим внимание, что переводчица в данном случае не употребляет английские устойчивые выражения, эквивалентные изначальному народному изречению «от судьбы не уйдешь», такие как «*no flying from fate*» («от судьбы не улетишь»), «*you can't escape from fate*» («от судьбы не сбежишь»), которые конвергенты гоголевскому аналогу по смыслу, но не по форме.

Перевод «...*rien ne peut conjurer ton malheureux sort*» (Viardo, 1853:102) с французского языка эквивалентен значению и форме клишированной единице оригинала и является его калькой: «...ничто не может предотвратить несчастной судьбы». Понятие судьбы во французском языке передается множеством лексем: *destin, destinée, fatalité fortune, sort*, несущих также значения «жребий», «рок», «участь». Л. Виардо также не применяет фразеологический эквивалент «*on ne peut fuir sa destinée*» или «*nul n'échappe à son destin*» с соответствующим русской поговорке прямым значением, а предпочитает максимально эквивалентно передать авторскую лексическую трансформацию.

Отметим, что зачастую в фольклорной традиции определяемому слову «судьба» сопутствует народнопоэтический эпитет «горькая». Эпитеты «жестокая», «несчастливая» не отменяют смысла фразеологической единицы, но лишают последнюю национального колорита.

А. Файзи отказывается от введения в текст перевода татарских клише, передающих значение предопределенности, неизбежности «предписанного», предначертанного: «*язганны күрерсең, чәчкәнне урырсың*» (букв. «что

суждено, увидишь, что посеешь, то и пожнешь»), «язмышлардан узмыш юк икэн» («судьбу не обойти»). Вместо стратегии фразеологического эквивалентного перевода переводчик использует калькирование: «...ачы язмышны читкэ тибэреп булмый икэн» (Файзи, 1973:61), что в переводе означает «горькую судьбу, оказывается, не отведешь». Слово «язмыш», в корне которого содержится повелительная форма «яз» от глагола «язырга» в значении «писать, пиши», выражает в татарском языке понятие судьбы. Денотат также передается рядом синонимов, заимствованных преимущественно из арабского языка: *такъдир*, *фалэк*, *мөкаддәр*, *жирәбә*, *шобага*, *насып*, *өлеш* и т.д.

З. «Мыкнуть горя»: «...мыкнули горе на обратном пути: попались, сердечные, под турецкие ядра» (Гоголь, 1937: 140).

Просторечное выражение «мыкать горе» означает испытывать какие-либо лишения, страдания, нужду. Данная фразеологическая единица отличается темпоральным колоритом ввиду архаичности ее употребления и обеспечивает тексту народно-эпическое звучание.

И. Хапгуд использует для ее передачи описательный перевод ср.: «...*But misfortune awaited them on their way back: the gallant fellows fell under the fire of the Turks*» (Hargood, 1915: 221). Выражение «*misfortune awaited*» («несчастье ожидало») [16], где субстантив «*misfortune*» образован от латинского префикса «*mis*» и корня «*fortune*», что буквально означает «невезение, неудача, не судьба». Таким образом, понятие судьбы как субъекта, который управляет действием, выраженным предикативом «*await*» – «ожидать», в английском переводе данного фразеологизма играет самостоятельную, ведущую роль в исходе описанной битвы, создавая препятствие непреодолимой силы на пути казаков.

Л. Виардо в отношении рассматриваемого клише также применяет способ описания, ср.: «*Mais ils essayèrent des grands revers à leur retour. Les malheureux durent passer sous les boulets turcs*» (Viardo, 1853:159). Предикатив «*essuyer*» переводится с французского языка как «терпеть, сносить, попасть

под что-либо», *revers* – «несчастья, неудачи». Примечательно, что последнее глагольное значение в переносном (образном) выражении совпадает с прямым значением последующей предикативной конструкции предложения оригинала – «*попались под турецкие ядра*» («*passer sous les boulets turcs*»). Подобное переименование переносного и прямого значений двух предикативных словосочетаний создает параллелизацию образов и имплицитное возникновение нового клише на основе метонимического переноса: «*попасть под ядра*» = «*столкнуться с неудачами, напастями*». Тема судьбы в данном отрывке отражается и в оценочном эпитете *malheureux* («несчастные, несчастливые»), где, как и в случае с английским словом *misfortune*, противопоставляются лексические единицы «счастье» и «несчастье» в значении «судьба» и «не судьба».

А. Файзи перефразирует клише с помощью описательного оборота «*балага юлыктыларга*» (Файзи, 1973: 50), что дословно означает «встретиться на пути с несчастьем». Помимо существительного «бэла», понятие «горе» в татарском языке включает множество других сем: *бахетсезлек*, *бала-каза* («несчастье»), *кайгы*, *хэсрэт*, *көенеч*, *сагыш* («печаль»), *интегү*, *газан* («мучение»). Отметим, что выражению «мыкнуть горя» соответствуют татарские аналоги: *интегү*, *каңгырып йөрү* *нужа күрү*. Оценочный эпитет «*сердечные*», который у Н. В. Гоголя имеет также простонародную, поэтическую окраску, передан метонимией «*бичаралар*» в значении «горемыки, несчастные», что не только отражает тему судьбы, но и в оригинале демонстрирует сочувствие, сопереживание рассказчика своим героям, которое можно интерпретировать как положительную оценку автора действующих лиц повести.

Все переводы конвергентны содержанию аналогичных примеров оригинала, но не эквивалентны (дивергентны) в отношении формы, то есть по количественному признаку.

4. «Прокурили свою долю»: «...*Крепко курнули козаки его и прокурили свою долю*» (Гоголь, 1937: 114).

В тексте повести глагол «курнуть» используется в значении «напиться допьяна» и имеет отношение к эпизоду, когда казаки, устав от утомительной осады польской крепости, от скуки и безделья злоупотребили хмельными напитками. В данном контексте фразеологизм, компонентом которого является просторечие «прокурить», означает «упустить свое счастье» или «проиграть свою судьбу». Использование данного разговорного клише подчеркивает народный характер повествования.

И. Хапгуд применяет при переводе калькирование, ср.: «*The Perevaslavsky alone was wanting. Kazaks had smoked and drunk it to its fate*» (Hargood, 1915: 170), передав значение фразеологизма буквально: «прокурили и пропили (что-либо) на свою долю», что в определенном смысле искажает форму и содержание соответствующей единицы в тексте подлинника.

Л. Виардо демонстрирует стратегию описательного перевода с использованием гиперболической метонимии, например, «*Les cosaques qui le composaient avaient bu la veille tout ce qu'ils devaient boire en leur vie*» (Viardo, 1853:116). В рамках одного предложения переводчик поясняет, что «накануне казаки выпили все, что им причиталось выпить за жизнь». Однако в данном случае речевой оборот, согласно характеристике С. И. Влахова, С. П. Флорина, можно также оценить как индивидуальную творческую трансформацию переводчика, выступившую эквивалентом понятию «доля, судьба» (Влахов, Флорин: 243).

Аналогичную трансформацию применяет и татарский переводчик, ср.: «*Бик нык эчтелэр аныц казаклары һәм узләренең бәхетләрен эчеп бетерделәр*» (Файзи, 1973: 73), что в переводе означает: «Крепко выпили его [Переяславского куреня] казаки и пропили все свое счастье». Данный пример, аналогично французскому варианту, можно отнести к индивидуальному эквиваленту.

Все переводы, кроме английского, конвергентны и эквиваленты оригиналу в плане содержания, но не адекватны формальной части.

5. «Перед смертным часом»: «*Перед смертным часом своим вы вспомните меня!*» (Гоголь, 1937: 168) – пророчествует Тарас скорое предательство помилованного гетмана Потоцкого, негодуя, что его товарищи казаки поверили врагам – «ляхам».

Фразеологизм «*перед смертным часом*» дважды используется писателем в тексте повести в значении «перед наступлением смерти», подчеркивая патетическую тональность эпического произведения.

Выражение «*death-hour*» («смертный час») (Hargood, 1915: 277) в английском переводе И. Хапгуд, является калькой оригинального выражения в силу совпадения планов содержания конституирующих элементов в русском и английском языках. Л. Виардо перефразирует клише как «последний час» посредством описания «*À votre heure dernière*» (Viardo, 1853: 207). А. Файзи применяет калькирование фразеологизма «*улем сэгатеgez алдыннан*» (Файзи, 1973: 124), перевод которого эквивалентен исходному тексту.

Все приведенные примеры конвергентны оригиналу по содержанию с небольшим стилистическим расхождением по форме.

6. «Выпить тяжелую чашу» (Гоголь, 1937: 164).

Фразеологизм «*испить [горькую] чашу до дна*» относится к библеизмам и в христианской парадигме представляет собой символ жертвоприношения и испытаний, предназначенных человеку. Компонент «чаша» в качестве метафоры уподобляется принятому в сцене казни страданию, которое образно выпивается испытуемым, пленным Остапом, до дна. Н. В. Гоголь в данном примере также трансформирует народнопоэтический эпитет «горькая» в «тяжелая», усиливая образ, олицетворяющий всю тяжесть невзгод, выпавших на долю человека.

В английском переводе И. Хапгуд приведен полный лексический эквивалент «*to quaff the bitter cup*» (Hargood, 1915: 267) как библейская цитата Ветхого Завета «*испить горькую чашу*» (Книга пророка Исаяи, гл. 51).

Аналогичную стратегию с применением фразеологического эквивалента «*vider se amer calice*» использует и французский переводчик (Viardo, 1853:200), передавая клише «испить до дна» при помощи глагола *vider* в значении «опустошить».

Переводчик на татарский язык обходится калькированием: «*авыр тустаганны эчәргә*» (Файзи, 1973: 120). Лексема «*тустаган*» в татарском обиходе переводится как «ковш, черпак» и сопровождается авторским поэтическим эпитетом «авыр» (тяжелая), а не «горькая» в отличие от двух предыдущих фразеологических вариантов перевода.

Исследование показало, что стратегия фразеологического перевода, преследующая полную эквивалентность, достигнута переводчиками в 6 случаях из 18, то есть на 30%. В 70% примеров выявлена стратегия нефразеологического перевода с применением способов калькирования и описания. Использование указанных способов преимущественно обусловлено тем, что переводчики стараются сохранить трансформированную автором структуру народных фразеологизмов о судьбе и не заменяют их имеющимися в языках перевода аналогами. Однако принятые меры не обеспечили единицам перевода полную эквивалентность, в том числе в аспекте передачи локального колорита.

Выявлено, что представленные фразеологизмы о судьбе адекватны соответствующим единицам подлинника на содержательном, то есть качественном уровне. Очевидно, что количественную эквивалентность, зависящую от степени идиоматичности клишированной единицы, достигнуть гораздо сложнее без утраты каких-либо семантических, стилистических или структурных особенностей текста оригинала. В целом, с позиции конвергентности, предполагающей соответствие на уровне текста, все проанализированные переводы за исключением одного примера конвергентны оригиналу.

Источники – Primary sources

Гоголь, 1937 – *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений, т.2. Миргород – М.: издательство Академии наук СССР, 1937. – 763 с.

Файзи, 1973 – *Файзи А.* Тарас Бульба. Повесть. – Казань: Татарстан китап нәшрияты, 1973. – 128 с.

Hargood Isabel F. (1915) *Taras Bulba «A tale of the cossacks» translated from the Russian of Nicolai V. Gogol*, New York, 1915, 284 p.

Viardot L. *Tarass Boulba (1853) / N. V. Gogol / L.*, Paris, 1853, 230 p.

Ссылки – References in Russian

Пермяков, 1970 – *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки: заметки общей теории клише – М: Наука, 1970. – 243 с.

Кобенко, 2023. – *Кобенко Ю.В.* Теоретические основы функциональной стилистики: учебник – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2023. – 296 с.

Романов, Романова, 2022 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Семантика топоном пространственности в дискурсивных практиках габитуса [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 1. – С. 17–51. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Влахов, Флорин, 1980 – *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе – М.: Международные отношения, 1980. – 349 с.

Сафина, Кобенко, 2023 – *Сафина Л.М., Кобенко Ю.В.* Особенности перевода военно-административных и военно-исторических реалионимов повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (на материале английского, французского, татарского языков)// Вестник ТГПУ. – 2023. Вып. 3 (227). – С. 48–57.

Карпенко, 1962 – *Карпенко А.И.* Народные истоки реалистического историзма, стиля и языка эпопеи Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». – Черновцы: автореф. дис. канд. филол. наук, 1962. –25 с.

References

Permyakov, G.L. (1970) *Ot pogovorki do skazki: zametki obshchej teorii klishe*, M., Nauka, 1243 p. (In Russian)

Kobenko, YU.V (2023). *Teoreticheskie osnovy funkcional'noj stilistiki: uchebnik*, Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 296 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2022) Semantika toponom prostranstvennosti v diskursivnyh praktikah gabitusa [*Electronic resource*] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 1. P. 17–51. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)

Vlahov, S.I., Florin, S.P. (1980) *Neperevodimoe v perevode*, M., Mezhdunarodnye otnosheniya, 349 p. (In Russian)

Safina L.M., Kobenko Yu.V. (2023) Osobennosti perevoda voenno-administrativnyh i voenno-istoricheskikh realionimov povesti N. V. Gogolya «Taras Bul'ba» (na materiale anglijskogo, francuzskogo, tatarskogo yazykov) // *Vestnik TGPU*, Vyp. 3 (227), pp. 48–57. (In Russian)

Karpenko, A.I. (1962) *Narodnye istoki realisticheskogo istorizma, stilya i yazyka epopei N. V. Gogolya «Taras Bul'ba»*, Chernovcy: avtoref. dis. kand. fil. nauk, 25 p. (In Russian)